

рокова и Ломоносова школьная драма становится достоянием церковно-школьной сцены, инсценировки рыцарских романов начинают привлекать лишь простонародного зрителя. На русской профессиональной сцене начинается пора безраздельного господства классицизма.⁵

Заслугой В. Д. Кузьминой является также и то, что она, изучая связи древнерусской литературы с литературой нового времени, стремилась поставить эту проблему в ряд еще более общих историко-культурных проблем. Вот один пример. Прделанный В. Д. Кузьминой анализ русских школьных драм по загребским спискам позволяет поставить вопрос о роли и значении украинской культуры для формирования русской школьной драматургии. Преобладающее количество пьес подобного рода было в это время создано учителями-украинцами. Интермедии, помещенные в этих пьесах, также создавались под их руководством. Школьные теории драмы, по которым эти пьесы писались, также принадлежали перу украинцев. Все это наглядно свидетельствует о глубоком влиянии теории и практики украинской драматургии на русский театр. Именно через Украину на Руси XVII—XVIII вв. было освоено наследие польско-иезуитского театра, театра гуманистов и средневековых мистерий. На русской почве традиции украинской школьной драмы получили свое дальнейшее продолжение и развитие. Заслуга В. Д. Кузьминой и состоит, в частности, в том, что она четко поставила и убедительно на ряде ярких примеров разрешила эту проблему.

Вопросы русско-украинских связей принадлежат к числу тех, которые довольно подробно разработаны в советской историографии. Однако, как правило, исследователей больше интересовала другая сторона проблемы — каково было влияние русской культуры на украинскую. В настоящее время мы имеем достаточное количество свидетельств, подтверждающих благоприятный факт этого влияния. Однако ведь любое влияние — акт двусторонний, воздействие обязательно испытывают обе стороны, и исследование В. Д. Кузьминой прекрасно иллюстрирует, какое большое и плодотворное влияние со стороны братского украинского народа испытала русская школьная драматургия первой половины XVIII в.

Третье, что обращает на себя внимание, когда мы рассматриваем работы В. Д. Кузьминой, посвященные связям древнерусской литературы с культурой нового времени, — это стремление к исчерпывающей полноте сопоставляемых фактов. Исследовательница никогда не сбивается на выборочную иллюстративность при сопоставлении фактов культуры, а использует весь имеющийся в ее распоряжении арсенал текстов, фактов, данных. Так сопоставляя древнерусскую повесть с лубком, В. Д. Кузьмина использует все известные ей списки и все выявленные ею лубочные обработки.⁶ Это придает фундаментальность полученным ею выводам, сообщает им весомость и убедительность. Сравнительный метод под пером В. Д. Кузьминой становится действенным средством научного анализа именно в силу того, что исследовательница пользуется им не выборочно, не иллюстративно, а во всей полноте и совокупности известного ей материала.

И, наконец, последнее, что следует сказать о работе В. Д. Кузьминой в этой области — это ее большая организационная деятельность

⁵ См.: Н. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века (по Загребским спискам). М., 1968, стр. 94—118.

⁶ См.: В. Д. Кузьмина. Русская сказка о Бове-королевиче в лубочных изданиях XVIII—нач. XX века. — Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 148—192.